

Глава 1

«Если вы придете на первое свидание с кирпичом в руке, то девушка сразу поймет: у этого парня серьезные намерения — и выйдет за вас замуж...»

Обычно, находясь в машине, я слушаю классическую музыку, но сейчас, включая радио, явно не туда нажал пальцем, попал на какую-то другую волну, услышал сию странную фразу, произнесенную хриплым женским голосом, и пришел в изумление. Мое богатое воображение тут же развернуло такую картину: я вовсе не Иван Павлович Подушкин, а некая хрупкая дама, которая увидела, как к ней, разодетой в пух и прах, приближается мужчина с увесистым кирпичом... Что бы сделал я в данном случае на месте той красавицы? Ответ однозначен: немедленно скинул бы туфли на высоких каблуках и дал деру босиком. Мысль о свадьбе в мою голову уж точно не пришла бы. Но я уже не раз убеждался, что представителю сильного пола не дано понять ход мыслей прекрасной половины человечества.

— Кирпич-то при чем? — раздался из радиоприемника густой бас.

Интересно, что ответит ведущая?

— Ох уж эти мужчины... — защebetало меццо-сопрано. — Пословицу помните? Что должен сделать настоящий мачо?

— Не знаю, — признался ее собеседник.

— Построить дом, посадить дерево, родить сына, — перечислила балаболка. — Поэтому, если вы явитесь на свиданку с кирпичом, любая женщина сразу сообразит, что вы готовы возвести особняк. Так что, мальчики, имейте это в виду, если хотите добиться руки любимой. Уверю вас, прихватите с собой каменичку — и ни одна из нас не устоит.

Лежавшая рядом на пассажирском сиденье Демьянка тихо заскулила. Я посмотрел на псину, покачал головой и не удержался от комментария, обращаясь к своей четвероногой спутнице:

— Ничего себе... Ведущей, пожалуй, следовало сказать: «Возьмите в одну длань кирпич, в другую саженец, а на шею повесьте табличку: «Я купил памперсы». Еще меня смущают слова, что мужчина должен «родить сына». На мой дилетантский взгляд, употребление в данном контексте глагола «родить» неверно. Даже при огромном желании ни у меня, ни у другого мужчины не получится произвести на свет ребенка. «Воспитать сына» — вот это возможно. И если уж говорить о камнях применительно к ситуации, то дамам больше понравился бы бриллиант размером с кирпич. Надеюсь, я не кажусь тебе занудой?

Демьянка, естественно, не ответила на мой вопрос, но внезапно вскочила, поставила передние лапы на «торпеду» и завыла. Я, во время своей речи отвернувшийся от лобового стекла, снова посмотрел

вперед и — быстро нажал на педаль тормоза. Автомобиль резко остановился, меня бросило вперед, собака упала с сиденья. Я выпрямился и перевел дух. Хорошо, что у моей иномарки есть функция экстренного торможения, благодаря ей мне удалось не наехать на мотоцикл, который лежал прямо посередине дороги. Интересно, где его владелец?

Я вылез наружу и крикнул:

— Молодой человек! Господин байкер! С вами все в порядке?

— Нет, — донеслось из придорожной канавы.

Я занервничал, пошел на звук и увидел в овраге фигуру в защитном костюме мотоциклиста... ярко-розового цвета.

— Девушка, вам плохо? — испугался я.

Стоящий на коленях человек обернулся. У него была густая черная борода и усы, я ойкнул.

— Вот так шлушай, — сказал мужик.

— Простите, что? — не понял я.

— Шука! Шволошь! — орал байкер. — Шелюшь!

Я начал лихорадочно искать по карманам мобильный. Все ясно: у бедняги случился инсульт прямо во время движения, несчастный упал с мотоцикла, покатился в овраг, у него нарушена речь.

— Эй, куда звонишь? — неожиданно довольно внятно произнес пострадавший.

— В «Скорою», — объяснил я. — Не волнуйтесь, вам помогут.

— Я ждоров! — отрезал байкер. — Прошто шелюшь потерял и ишу ее. Шделай милошь, помоги! Линжы выпали тоже, ни фига не вижу.

— Что вы потеряли? — не сообразил я. И услышал в ответ:

— Линжы и шелюшть. Эшкложив.

Я спрятал сотовый. Так... Парень не болен, он просто странно разговаривает. Потерял линзы и что-то еще. Говорит — шелюшть! Что это такое?

— Видел, што шюда улетела, — шамкал незнакомец. — Шерт! Шерт! Ее делать што лет! А Шаши нет. Нет Шаши! Беж него не шделают.

И тут к оврагу с громким лаем подбежала Демьянка.

— Ой, шобака! — воскликнул байкер.

— Она не кусается, — предупредил я. — Демьянка добрая собака, просто лаять любит.

— Шам такой, люблю поорать, — засмеялся байкер.

Я увидел его открытый рот и сообразил:

— Челюсть! Вы потеряли вставные зубы!

— Шихнул, — продолжал веселиться мотоциклист.

— Чихнули? — уточнил я.

— Ага, — кивнул байкер. — От вшей души шихнул, и линжы ш шелюштью улетели в овраг. Найти не могу.

Я стал ворошить руками опавшие листья. Кстати, поясню: на дворе январь, но снег пока не выпал, погода скорее напоминает ноябрь.

— Шпашибо, — сказал байкер, роясь в сухих листьях.

Сколько времени мы пытались найти вставные зубы, сказать не могу, мне показалось, что вечность.

В конце концов я продрог до костей. Человек, который ездит в машине, не носит теплые ботинки на толстой подошве и дубленку, посему на мне были тонкая кожаная куртка и замшевые туфли, неудивительно, что пальцы моих ног превратились в эскимо.

— Ах ты, шукин сын! — взвыл вдруг байкер. — Штервец-молодец! Дай, пошелую шобаку!

Я обернулся и увидел Демьянку — она отчаянно махала хвостом, держа в пасти зубной протез.

— Ура! — завопил байкер, выхватил у псины зубы и живо запихнул их себе в рот.

— Протез ведь грязный! — не выдержал я. — Его надо помыть!

— Где ты тут кран видишь? — захохотал мотоциклист.

— У меня в машине есть бутылка с водой, — сказал я.

— Уже поздно, — ответил мужик. — Микробы от грязи дохнут. У тебя суперпес, выручил меня. Прикинь, у меня такое строение челюсти, что протез сделать — жуткий геморрой. И мне нужен бриллиантовый.

— Бриллиантовый? — удивленно переспросил я.

Байкер оскалился. Я увидел, что два его клыка украшены сверкающими камнями, и закашлялся.

— Самая модная фишка сезона, — заржал байкер. — Я же ее брендовой сделал, для клиники Нинки старался. А она — стервятница. Бесплатную рекламу от меня получила, да еще идей корзину, и что? Урулила к Степану. Я в шоке! У тебя визитка есть? Давай сюда.

Я протянул незнакомцу карточку, тот со словами:

— Ну, я поехал! — запихнул ее в карман.

Прежде чем я успел вымолвить слово, байкер оседлал свой драндулет, водрузил на голову розовый шлем, украшенный черными перьями, завел мотор и — исчез за поворотом.

Демьянка разразилась лаем.

— Согласен с тобой, — кивнул я, — он забыл сказать нам «спасибо». Ладно, покатали домой, надеюсь, более никаких происшествий не случится.

В кармане затрезвонил мобильный, я вынул трубку и услышал приятное сопрано.

— Добрый день. Соблаговолите позвать к телефону Ивана Павловича.

— Слушаю вас, — ответил я.

— Вы господин Подушкин? Владелец частного детективного агентства? — уточнила дама.

— Именно так, — подтвердил я.

— Ваш телефон мне дал один человек, — продолжала женщина, — сказал, что вы поможете. У меня проблема, но не хочется обсуждать ее по телефону. Есть ли у вас, Иван Павлович, свободное время?

На данном этапе у меня клиентов не было, но я не стал признаваться в этом, ответил:

— Есть окно сегодня. В четырнадцать часов вас устроит?

— Прекрасно! — обрадовалась дама. И пояснила причину своей радости: — Смогу сегодня же домой уехать.

— Вы не москвичка? — насторожился я. — Извините, я не выезжаю в другие города. Простите, как вас зовут?

— Ох, забыла представиться... — смутилась собеседница. — Мое имя Екатерина Сидорова. Живу в области, это пятьдесят пять километров от столицы. Город Бойск. Слышали о таком?

— Не довелось, — признался я, выезжая на скоростную магистраль.

— Неудивительно, — вздохнула Екатерина, — у нас нет особых достопримечательностей, обычное поселение. Для вас это далеко?

— Нет, — ответил я.

— Значит, беретесь мне помочь? — снова обрадовалась женщина.

— Давайте сначала встретимся, и вы расскажете, что случилось, — предусмотрительно попросил я. — Приезжайте к двум часам.

Глава 2

Едва я вошел в квартиру, как в холле появился Борис и встревоженно спросил:

— Что с нашей девочкой?

— Великий ветеринар, к которому мы ездили, ничего не обнаружил, — сообщил я, — вынес вердикт: псина здоровее кабана.

Демьянка села, но тут же взвизгнула и вскочила на лапы.

— Но она не может сидеть! — воскликнул Борис. — Неужели доктор этого не заметил?

— Я обратил внимание эскулапа на сей факт, — вздохнул я.

— А он что? — спросил Борис.

Я снял ботинки и надел теплые домашние тапочки.

— Мы сделали узи, сдали все анализы и...

— И? — повторил Борис.

Я развел руками.

— Ничего. Организм Демьянки работает, как настоящие швейцарские часы, и псинка в идеальном состоянии с головы до пят.

— У собак нет пяток, — заметил мой секретарь.

— Демьянка здорова от носа до кончика хвоста, — усмехнувшись, поправился я. Затем поднял лежащий у вешалки мячик и бросил его в коридор.

Демьянка со всех лап кинулась за игрушкой, а я посмотрел на Бориса и развел руками:

— Больное животное так носиться не станет.

— Верно, — согласился помощник. — Собачка не может сидеть, ей дискомфортно.

— Врач предположил, что у Демьянки стресс после родов, — пояснил я. — Ветеринар дал телефон специалиста, который справляется с подобными проблемами, вот его визитка.

— Прямо сейчас позвоню, — засуетился Борис. И тут раздался звонок в дверь.

Я посмотрел на экран домофона, увидел весьма пожилую даму в темном платье с бесчисленным количеством украшений из жемчуга и удивился. Кто это? Почему на незнакомке нет верхней одежды? На улице ведь холодно.

— Вам кого? — спросил Борис.

— Вас, — ответил слегка искаженный домофо-
ном голос.

Секретарь распахнул дверь.

— Добрый день, господа, — величаво кивнула ста-
руха, вплывая в холл, — я Эмма Эмильевна Розалиус.

— Очень приятно, — хором сказали мы с Бо-
рисом.

— Живу в квартире под вами, — продолжала дама.

— Да? — удивился мой помощник. — Вроде
апартаменты принадлежат Николаю Сергеевичу
Онуфину, а он постоянно обитает за границей...

— Это мой сын, — перебила его Эмма Эмильев-
на. — Со вчерашнего дня я ваша соседка и убедит-
ельно прошу не шуметь. Я профессор, работаю
дома, пишу монографию.

— Иван Павлович тоже не любит кавардак, —
вставил свою реплику Борис.

— Наденьте на ребенка носки! — потребовала
Эмма Эмильевна.

— На какого ребенка? — не сообразил я.

— На вашего, — отрезала ученая дама.

— Иван Павлович холостяк, — пояснил мой се-
кретарь, — у него нет детей.

— Отсутствие жены не означает отсутствия де-
тей, — резонно заметила гостья.

Вдруг из коридора послышались грохот, звон,
топот. В холл влетела взъерошенная Демьянка, таша
в зубах игрушку.

— Крыса! — взвизгнула бабка. — О великие боги
Олимпа!

— Она плюшевая, — объяснил я и попытался отнять у псины игрушечную мышь.

Демьянка ловко увернулась и унеслась.

— В квартире нет детей, — повторил Борис.

— Зато здесь живет пес, — заметила госпожа Розалиус, — что намного хуже малолетнего ребенка, у которого всего две ноги. У пса же их четыре, и все топают. Наденьте на него тапки. На бесшумном ходу.

— На кого? — опешил Борис.

— На вашего кобеля, — уточнила соседка.

— У нас девочка, — поправил я.

— Половая принадлежность источника шума меня не интересует, — хмыкнула дама, — просто устраните помеху моему творчеству.

— Сомневаюсь, что для собак выпускают домашнюю обувь, — протянул Борис.

— Существует магазин «Тихий дом», — заявила пожилая дама, — там приобретете нужное. Не желаю слышать топот! Я работаю! У вас есть два часа. Если по истечении сего времени мешающий мне дискомфорт не исчезнет, вызову Григория Алексеевича.

Высказавшись, Эмма Эмильевна развернулась и ушла, забыв попрощаться.

— Кто такой Григорий Алексеевич? — спросил я. — Боря, вы в курсе?

— Понятия не имею, — пожал плечами секретарь.

— Хм, есть, оказывается, на свете какой-то великий и ужасный Григорий Алексеевич... — засмеялся я.

— Некоторые люди с возрастом делают чудными, — вздохнул мой помощник. — Ну как ей может досадить беготня Демьянки? В доме прекрасная звукоизоляция. И сейчас без пяти час, то есть ясный день, а не поздний вечер или ночь. Полагаю, что нам не нужно подчиняться приказу престарелой леди. Чего ради ехать в магазин «Тихий дом»? В это время мы имеем полное право даже работать перфоратором.

— Без пяти час? — опомнился я. — Мне пора, скоро клиентка появится.

— Идите, Иван Павлович, а я уберу осколки вазы, которую, похоже, кокнула Демьянка, — пригорюнился Борис.

— Почему вы думаете, что собака разбила какую-то вещь? — удивился я.

— Перед тем, как она ворвалась в холл, из коридора донеслись грохот и звон, — напомнил Борис. — Полагаю, это погибла напольная ваза, которая стояла у входа в ваш кабинет.

Я обрадовался:

— Серо-голубая пузатая бадья, на которой изображены не пойми кто с треугольными головами?

Борис пошел в коридор и сообщил оттуда, слегка повысив голос:

— Увы, да.

— Отлично! — заликовал я. — Сей предмет был приобретен Николеттой на благотворительном приеме, который ее заклятая подруга Кока устраивала для спасения австралийских зебр.

Борис вернулся в холл и удивленно спросил:

— А в Австралии живут зебры?

— Нет, конечно, — развеселился я. — Но это не смутило Коку. Она арендовала ресторан, созвала журналистов, разных знаменитостей, а также художников и скульпторов. Мало кому известные деятели искусств пожертвовали свои произведения, селебрити их купили, деньги передали в фонд спасения зебр Австралии, о мероприятии написали газеты-журналы. Звезды пришли на вечеринку, чтобы засветиться в прессе, живописцы-скульпторы преследовали ту же цель, Кока жаждала славы благотворительницы, это сейчас модно. Все гости остались довольны, а что чувствуют зебры, никто не знает. Николетта приобрела на редкость уродливую вазу. Поставить ее у себя в особняке маменька не пожелала, но и выбросить «красоту» рука у нее не поднялась. И что она сделала?

— Подарила ее сыну, — усмехнулся Борис.

— В яблочко! — кивнул я. — На беду, день моего рождения пришелся на следующий день после мероприятия, и моя добрая матушка торжественно вручила мне вазу со словами: «Ваня! Это уникам, работа великого Родена, специально для тебя ему заказывала».

— Разве француз ваял вазы? — удивился Борис. — Я всегда считал его скульптором. И Франсуа Огюст Роден скончался в начале двадцатого века.

— Вы во всем правы, — сказал я. — Но объяснять такие тонкости, как и вообще что-либо, Николетте не стоит. Естественно, мне пришлось взять презент

и рассыпаться в благодарностях. Я поместил вазу именно в коридоре в надежде, что она вскоре разобьется.

— Давно заметил: чем страшнее вещь, тем дольше она служит хозяину, — хмыкнул Борис. — Но в конце концов «красавица» завершила свой земной путь.

— Чрезвычайно рад сему обстоятельству, — улыбнулся я, сняв с вешалки куртку. — Все, мне пора в офис.

Глава 3

— Моего отца Игоря Семеновича Сидорова убили, — заговорила потенциальная клиентка, усаживаясь в кресло, — а местные сыщики этого не признают. Сначала они даже заикнулись, что произошло самоубийство. А это категорически невозможно, суицид исключен. У меня нет претензий к начальнику полиции Бойска, он хороший человек... Ох, забыла сказать: мой папа был настоятелем местного храма, его второе имя отец Дионисий. Так что суицид исключен. И в случайную смерть я не верю. Но понимаете, у главного полицейского нашего околотка есть вышестоящее руководство, и вот оно изо всех сил пытается представить кончину священника как несчастный случай. Почему? Не хотят шума. Извините, я, наверное, путано говорю. Очень нервничаю...

Я внимательно слушал посетительницу, возраст которой оказалось трудно определить. Лицо Сидо-

ровой было без морщин, но одежда никак не подходила молодой женщине — на Екатерине длинное, почти до пят, темно-серое, смахивающее на балахон платье, застегнутое у горла на пуговицы. Волосы ее уложены в прическу, которую любят балерины и артистки цирка, то есть собраны в тугий пучок на затылке. Ни украшений, ни косметики. И куртка, которую она сняла в прихожей, самая простая. И ботинки на плоской толстой подошве.

— Самоубийство исключено, — повторила клиентка.

— Почему полиция решила, что это суицид? — спросил я.

— Сейчас объясню подробно, — пообещала Екатерина.

— Весь внимание, — кивнул я и стал слушать ее неторопливый рассказ.

...Тридцать лет назад подмосковный город Бойск был селом, в котором проживали несколько старух. Существовали они благодаря работающей в деревне церкви — одна стояла у свечного ящика, другая служила уборщицей, третья крутилась в трапезной. Денег бабульки имели копейки, но они кормились при храме и были довольны судьбой. В пяти километрах от Бойска работала еще одна церковь, где служил совсем юный батюшка, так вот там прихожан было больше. В советские времена посещение богослужений не приветствовалось, но местным верующим было наплевать на негодование коммунистов, они постоянно ходили на службу к молодому священнику в деревню Марково. А храм в Бойске посещали

единицы. Там настоятелем служил старенький отец Владимир, которому давно пора было на покой. Жил отец Владимир бедно, детей не имел. Жена его, матушка Ирина, прекрасная хозяйка, вставала в четыре утра и сама управлялась с коровой, козой, курочками, огородом и оранжереей.

Почему церковь в Бойске, где в воскресенье на литургию собирались от силы пятнадцать человек, не закрывали, не знал никто. Но храм работал. Облечение отца Владимира изрядно истрепалось, из экономии батюшка не зажигал электричество, служил при свечах, коих горело мало. Зимой в церкви стоял холод — котельная работала на угле, а он был дорогой, поэтому практически не топили. Но благодаря матушке Ирине священник не голодал. Местные старухи и нищие могли пообедать в трапезной, там всегда были горячий суп и хлеб.

В одно дождливое осеннее утро матушка попросила мужа пойти в храм в резиновых сапогах. Но отец Владимир отказался, сказал, что нельзя вести службу в непотребном виде, и, как всегда, обул свои единственные черные ботинки на тонкой подошве. Во дворе церкви образовалась огромная лужа, батюшка промочил ноги и два часа стоял на каменном полу в мокрой обуви в едва топленном помещении. Отцу Владимиру исполнилось тогда семьдесят лет, видно, организм его был ослаблен. На следующий день он слег с воспалением легких, а через неделю умер. Отпевать его приехал молодой священник из церкви, что в деревне Марково, куда ходила основная масса местных прихожан. После похорон он

сказал матушке Ирине, что власти изо всех сил пытаются закрыть храм в Бойске и скорее всего им это удастся.

— Что будет дальше, ума не приложу, — горевал настоятель. — Отца Владимира нет, меня куда-нибудь переведут. Останутся наши прихожане никому не нужны.

Назавтра матушка Ирина неожиданно уехала в Москву, чем безмерно удивила односельчан — на их памяти она дальше деревни Марково не каталась. Отсутствовала вдова неделю, а когда вернулась, обрадовала всех новостью: в Бойск вот-вот приедет новый священник, совсем молодой, недавний выпускник семинарии. И вскоре на самом деле появился отец Дионисий. Прибыл он не один, а с младенцем, девочкой Катей, нескольких месяцев отроду. Местные старушки начали шептаться. Где мать ребенка? Почему батюшка приехал только с дочкой? Отчего сразу не стал служить, а сидит в избе? По какой причине матушка Ирина не освободила приходский дом для нового настоятеля?

Дней через десять старейшая жительница Бойска Матрена Филипповна Реутова постучалась в избу к матушке Ирине и без особых церемоний поинтересовалась:

— Объясните нам, как дальше жить: ездить в Марково или ждать, пока отец Дионисий на службу соберется? Уж которое воскресенье мы без исповеди и причастия.

— Не шумите! — строго заговорила вдова. И пояснила: — Заболел отец Дионисий, с температурой

свалился. И дочка его захворала. Грипп у них тяжелый.

— Жена-то его куда подевалась? — не справилась с любопытством Матрена.

— В родах умерла, — печально ответила матушка Ирина, — остался отец Дионисий один с младенцем на руках. Он поправится и начнет служить. А я ему с Катюшей помогу.

Отец Дионисий действительно встал на ноги и приступил к работе. Матушка Ирина стала заботиться о преемнике отца Владимира и о девочке.

Весной в храм, что в Маркове, во время службы ввалились пьяные парни с автоматами и расстреляли прихожан, убили батюшку. Уходя, бросили в алтарь гранаты. Ветхое здание церквушки развалилось от взрывов. Преступников быстро вычислили, оставшиеся в живых прихожане в один голос говорили следователю:

— Это братки Митьки Косого. Он хотел венчаться, а батюшка ему отказал, пояснил: «Великий пост идет, надо подождать». Бандит обозлился, заорал: «Иди бубни, что надо, а то хуже будет, плевать мне на твой пост». Настоятель снова про то, что не может обряд совершить. Косой взбеленился и вон чего устроил.

Церковь в Маркове не восстановили, и люди стали ходить в Бойск. Отец Дионисий оказался весьма предприимчивым, у него были в Москве знакомые богатые бизнесмены, которые щедро жертвовали деньги на храм. Потом неподалеку от деревеньки

одна крупная иностранная фирма построила завод по производству шоколадок.

Через десять лет некогда убогое село стало не узнать, Бойск превратился в симпатичный городок. Церковь отремонтировали, купола засияли новой позолотой, прихожан стало много. Матушка Ирина по-прежнему вела хозяйство отца Дионисия, воспитывала Катю и преподавала в воскресной школе. А батюшка, в миру Игорь Семенович Сидоров, основал культурный центр. Сейчас его посещают много детей и взрослых, для них работают разные кружки: пения, танцев, кулинарии. Священник помогал ребятам из неблагополучных семей, во время каникул всегда открывал для них что-то вроде лагеря. При храме работал кабинет помощи, где сидел психолог, с которым могли обсудить разные проблемы как прихожане, так и неверующие. Благодаря отцу Дионисию церковь стала очень популярна, она являлась местом, куда шли в горе и радости. К сожалению, матушка Ирина скончалась, но она застала расцвет Бойска и сказала незадолго до кончины своей воспитаннице:

— Увижу в Царствии Божьем отца Владимира и расскажу ему, кого Господь для укрепления нашего храма послал, береги своего отца.

Катенька вышла замуж за приходского старосту, у нее трое детишек. Но молодая женщина не просто домашняя хозяйка, она помогала отцу, заведовала воскресной школой, вела кружки.

И все шло хорошо до того дня, как отца Дионисия нашли мертвым у подножия колокольни. Эксперт недолго думая объявил: это самоубийство. Но

никто из прихожан его словам не поверил. Глубоко верующий священник не мог покончить с собой! Возмущенный народ, не согласный со скоропалительным выводом криминалиста, толпой отправился в полицию и потребовал дополнительного расследования. Патологоанатому велели еще раз осмотреть тело, и он вынес вердикт: у отца Дионисия случился инсульт. В момент мозгового удара священник, находившийся на колокольне, пошатнулся и упал вниз. Суицида не было, произошел несчастный случай, батюшку можно отпеть.

Народ успокоился, отплакал на похоронах. Но у Кати в душе росло беспокойство, а в голове роились вопросы. Зачем папа полез на колокольню, да еще поздним вечером? Что он там делал? Связано ли это с приходом мужчины, который посетил батюшку незадолго до его смерти?..

— Вас удивило, что к отцу Дионисию кто-то заглянул? Он не любил гостей? — уточнил я, перебив рассказчицу.

— Гости... — протянула Екатерина. — Дверь в нашем доме не закрывалась. В те годы, когда еще не появилась мобильная связь, прибегали, если позвонить требовалось. Например, заболел кто и надо «Скорую» вызвать. У батюшки же телефон имелся, его еще отцу Владимиру поставили. Да и вообще, если чего надо, люди обращались к отцу Дионисию. К нему шли за утешением, советом, поддержкой, благословением. Короче, не зарастала тропа к дому батюшки, он никому не отказывал. Пока матушка Ирина жила, она регулировала поток страждущих.

Отец был прозорлив, и если что-то кому-то советовал, лучше было его послушаться. Те, кто поступал наперекор, потом горько раскаивались. Папа знал прошлое, видел будущее.

— Обладал экстрасенсорными способностями, — уточнил я.

Екатерина перекрестилась.

— Нет! Упаси вас Бог считать отца Дионисия колдуном, ведьмаком. Он просто смотрел на человека, и перед ним открывалась вся его жизнь. Как-то раз к нему подошла прихожанка, попросила обвенчать ее. Папа спросил, кого девушка выбрала в спутники жизни, помрачнел и посоветовал ей: «Подожди пару лет». — «Почему?» — удивилась она. — «Просто подожди, — повторил отец. — Ты мне объяснила, что познакомилась с суженым в Интернете. Не следует бежать под венец, не узнав мужчину как следует. Куда ты торопишься? Венчание ответственный шаг. Пообщайся с женихом подольше. И не оформляй пока брак в загсе, не живи с ним до свадьбы вместе. Нет тебе моего благословения». А девушке очень хотелось замуж, и она, не послушав батюшку, пошла подавать заявление. Но осуществить задуманное не удалось — по дороге в загс невеста упала, сломала обе ноги, очутилась в больнице.

— Бывает такое, — кивнул я. — У некоторых людей хорошо развито предчувствие, ваш папенька ощутил...

— Вы не дослушали, — остановила меня клиентка. — Жених услышал от доктора, что невесте предстоит долго лечиться, вероятно, она останется хро-

мой, и бросил ее. Девушка через пару лет вышла замуж за врача, который ее лечил, и вскоре узнала шокирующую новость: бывший жених расписался с другой, а через шесть месяцев после свадьбы убил свою супругу в припадке ревности, парень оказался душевнобольным. Выходит, мой отец уберег свою прихожанку от великой беды. Так вот, собственно, о гостях в доме папы. Матушка Ирина пыталась сдерживать поток посетителей, но у нее плохо получалось. После ее смерти роль Цербера стала исполнять я. Прежде всего я повесила на дверь объявление: «Отец Дионисий принимает страждущих во вторник и четверг, с часу дня до пяти вечера. Убедительная просьба записаться заранее и в другое время батюшку не беспокоить». Народ сначала возроптал, люди привыкли в любой момент священника дергать. Но потом все успокоились, стали приходиться по записи. Моя изба стоит напротив отцовской. Десятого ноября я ушла от папы в девять вечера, попросив его дверь за мной запереть. Вернулась к себе, стала посуду мыть. На кухне у нас окно, я тарелки вытирала и нет-нет да смотрела на улицу. А там, прямо около калитки, горел большой фонарь, я хорошо видела двор папы и вход в его дом. И в какой-то момент заметила, что на крыльцо поднялся молодой мужчина, отец его впустил. Я разозлилась, хотела пойти и выгнать непрошеного гостя. Еще подумала, помню, что некоторые люди на редкость эгоистичны и бесцеремонны, вот надо ему, и все тут... Но заплакал младший сын — упал, нос разбил, и я к ребенку кинулась. А когда снова в окно посмотрела, увидела, что отец с

тем парнем уже по улице идут в сторону храма. Я их спины видела. Отец в своем старом пальтишке и в скуфейке¹. И тогда в голову мне пришла мысль: это, наверное, Паша Ветров к папе прибежал. У него отец сильно заболел, грипп подцепил, и, видимо, Филиппу Петровичу совсем плохо стало, вот сын к бабушке и поспешил. Ой, мне так стыдно стало, что я разозлилась! Пошла поэтому Трехканонник² читать. А утром папу у колокольни нашли.

Глава 4

— Вы рассказали полиции про гостя? — спросил я.

Екатерина кивнула.

— С Павлом беседовали? — продолжал я.

Сидорова расправила на коленях юбку.

— Да. Ветров к бабушке не заглядывал. Филипп Петрович жив-здоров, грипп у него прошел. Перепутала я. Меня кожаная куртка того парня в заблуждение ввела, у нас только Паша такую носил.

Я встал и включил кофемашину.

— На мой взгляд, все мужские кожаные куртки одинаковы. Или она была ярко-розовая, в перьях?

По лицу Екатерины скользнуло подобие улыбки.

¹ Скуфейка — черная шапочка, повседневный головной убор православного священника, монаха. — *Здесь и далее примечания автора.*

² Трехканонник — молитва, три канона: покаянный Спасителю, молебный Пресвятой Богородице и Ангелу-хранителю.

— Нет. Но она необычная: на спине выложены блестящими камушками череп и кости. Когда парень на крылечке стоял, на аппликацию свет от уличного фонаря упал, и она ярко заискрилась. Павел работает в охране коттеджного поселка. Там вахтовый метод: трое суток он у шлагбаума дежурит, отдыхает в каптерке, а потом два дня дома. Когда я впервые у Ветрова эту куртку увидела, то не удержалась, сделала замечание: «Ну и ужас ты купил! Лучше не носи такое». А Паша в ответ: «Что бы ты, Катюха, понимала... Сама-то одеваться не умеешь, наряжаешься, как старуха. Это самый модный прикид, от очень дорогого дизайнера. Моих денег не хватит купить даже пуговицу от такой куртки. И в России его изделия не продаются, только за границей». Я ему не поверила, знала, что Павел приврать любит: «Да ну? И где же ты этот эксклюзив раздобыл? В Париж слетал?» Ветров зубами скрипнул: «Нет. Мне шмотку отдал парень из поселка. Он богатый, в деньгах купается». Вот тут мне совсем неприятно стало.

Екатерина замолчала. Я поставил перед ней чашечку кофе.

— Выпейте, я сделал вам капучино.

— С молоком? — уточнила посетительница.

— Со сливками, — ответил я.

— Простите, сегодня среда, день постный, — отказалась Катя.

— Вы в данный момент путешествующая, — улыбнулся я, — вам можно. А почему вы расстроились, когда слышали про подарок?

Сидорова отодвинула от себя чашку.

— Паша мечтает о красивой жизни и очень завистлив. Если смотрит телевизор, обязательно скажет: «Вот почему у этого артиста все есть — и бабло, и слава, и на экране он мелькает постоянно? Я, между прочим, лучше пою, а ничего не имею». Ему нравятся девушки, но не наши, местных он презирует. Ветров ездит в Москву, по клубам ходит, пытается познакомиться с богатыми-знаменитыми, но они на него внимания не обращают. Как-то раз одна из тех, к кому парень приставал, прямо ему заявила: «У входа в клуб стоит твоя шикарная иномарка? В кошельке у тебя золотая кредитка? Конечно же, нет. А я с нищими не знакомлюсь. Да ты так одет, что рядом стоять стыдно!» Павел распереживался, прибежал к моему отцу за советом, не исповедовался, просто интересовался, как ему себя вести, чтобы фифы на него внимание обращали. Сидели они на кухне, а я в соседней комнате белье гладила и разговор слышала. Папа мой ему объяснил: «Не смотри в чужой огород, в своем урожаем собирай, вон сколько у нас молодых прихожанок, замуж любую взять можно. Но до того, как под венец пойти, учись, Паша. И на работу хорошую устраивайся».

Екатерина махнула рукой.

— Не в коня корм, не послушал парень совета. Через неделю Филипп Петрович примчался: «Отец Дионисий, спасите! Пашку в Москве в магазине за кражу арестовали. Посадят ведь идиота, всю жизнь парню сломают... Сделайте что-нибудь!» Папа в столицу поехал, ночью с Павлом вернулся. Мне потом рассказал, что случилось. Ветров решил красиво

одеться и пошел в дорогой магазин. Набрал разных вещей, мерил их, мерил, и так продавщицу запутал, что та забыла, сколько рубашек-брюк у покупателя в кабинке. А Ветрову только того и надо. Он срезал ценники, натянул новое, поверх надел свое и пошел на выход. Не подумал, дурачок, что в примерочных кабинках камеры стоят.

— Разве разрешено устанавливать видеоаппаратуру в зонах, где люди раздеваются? — удивился я.

— Не знаю, — пожала плечами Сидорова. — Но в том магазине видеокамеры имелись. Отец еле упрямил управляющего не губить Павлу судьбу, сошла ему кража с рук. А вскоре после того случая Ветров сказал, что куртку ему подарили. Вот у меня нехорошие мысли и возникли: может, это не презент? Что, если он сам чужую вещь взял? За несколько месяцев до смерти папы Ветров пристроился в ресторане петь. Голос у него и правда хороший, если б ему позаниматься, толк бы вышел, но учиться он не желал. На легкие деньги польстился — в кабаке ему посетители купюры на сцену кидают. Я это все вот к чему рассказала: в день, когда отец погиб, Паша работал, с десяти вечера до шести утра пел в ресторане.

Я убрал со стола чашку с капучино и поставил на ее место другую с обычным кофе.

— Откуда вам это известно?

— Ветров сказал, когда я стала интересоваться, зачем он к отцу Дионисию поздно вечером прибежал, — пояснила Екатерина.

Я молча смотрел на молодую женщину. Хм, либо воришка Павел соврал дочери священника, либо к

батюшке заглянул другой человек, который стал последним, кто видел отца Дионисия живым.

— Папу убили, — продолжала тем временем Сидорова. — Он не мог прыгнуть с колокольни. Его столкнули. Самоубийство невероятный грех, ни один верующий его не совершит, тем более священнослужитель! Даже если на секунду представить... что... Нет-нет, это невозможно! Но если все же предположить... В общем, отец никогда бы не сделал этого за две недели до закладки камня купальни.

— Простите, о чем вы? — удивился я.

Екатерина сделала глоток кофе и выложила мне новую историю.

...Среди прихожан отца Дионисия есть замечательная женщина, Фаина Леднева. Она учительница младших классов, очень любит детей, но своих у нее нет, Господь ей ребенка никак не давал. От сорокалетней Фаи ушел муж, но она не впала в отчаяние, полностью посвятила себя ребятам из неблагополучных семей. Зарплата у сельского педагога небольшая, да только трудолюбивый человек, живя на земле, никогда не останется голодным и раздетым. Фаина держит корову, коз, кур, поросят, выращивает овощи, у нее много плодовых деревьев. Учительница читает книги по садоводству-огородничеству, действует по науке, поэтому получает большой урожай, часть которого продает на базаре. Леднева, как говорили когда-то, «зажиточная», но ее богатство от умной головы и невероятного трудолюбия. Деньги Фаина не копит, тратит их на ребятишек, которым не повезло — родились у алкоголиков или

наркоманов. Леднева покупает им одежду, кормит-поит, доводит их, так сказать, до ума.

Два года назад Фая взяла под свою опеку Наташу Панину, мать которой всю беременность пила, курила, глотала всякие таблетки. Стоит ли удивляться, что девочка родилась больной? Ната еле-еле ходила, опираясь на костыли, вечно сидела голодная, выслушивала от «ласковой» маменьки бесконечные попреки типа: «Досталась мне уродка, корми теперь ее...», терпела побои. Фаина забрала Наташу к себе, начала с ней заниматься. Малышка научилась читать, писать, стала получать заслуженные пятерки. Этого мало — Леднева очень хотела поставить Нату на ноги в прямом смысле слова. Но все врачи, которые осматривали девочку, в один голос твердили:

— К сожалению, ничем помочь не можем, эта болезнь не лечится.

Фаина глубоко верующая, поэтому она регулярно приводила Наташеньку в церковь, научила девочку молиться.

Два года назад в дом к Ледневой постучалась старушка, попросилась переночевать. Фаина впустила ее, стала расспрашивать, куда она путь держит, почему идет одна пешком.

Бабушка, ее звали Олимпиада Михайловна, сказала, что у нее большие проблемы со здоровьем. Она работает в монастыре в трапезной, и недавно мать-настоятельница, видя, как плохо поварихе, посоветовала ей съездить в город Бойск. Там, мол, есть церковь, а за ней в лесу родник целебный. В начале девятнадцатого века в том бору глухой мальчик-па-